

A portrait of a man with a full dark beard and glasses, wearing a dark patterned shirt. The background is a warm, textured orange-brown color. The text is overlaid on the image.

СЕРГЕЙ
ХУДИЕВ

Почему
**МЫ
УВЕРЕНЫ**

РАЗУМНЫХ ПРИЧИН ДЛЯ ВЕРЫ В БОГА
ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫ ДУМАЛИ

Сергей Худиев

**Почему мы уверены. Разумных
причин для веры в Бога
гораздо больше, чем вы думали**

«СИМВОЛИК»

2023

Худиев С.

Почему мы уверены. Разумных причин для веры в Бога гораздо больше, чем вы думали / С. Худиев — «Символик», 2023

ISBN 978-5-6043038-0-1

Эта книга – для тех, кто искренне хочет разобраться, во что верят христиане и какие у них основания считать, что они правы. Ее автор – один из самых известных в России православных журналистов, постоянный обозреватель и колумнист интернет-изданий «Православие. ру», «Православие и мир», «Взгляд. ру», ведущий передач на радиостанциях «Радонеж», «Вера» и «Теос», автор статей в журналах «Фома», «Альфа и Омега». В книге подробно разобраны самые разные сомнения и недоумения, которые могут возникать у современных людей, знакомящихся с Православием. Читатель убедится, что вера в Бога, Которого знает христианство, не просто разумна, а гораздо более рациональна и доказательна, чем агностицизм и неверие.

ISBN 978-5-6043038-0-1

© Худиев С., 2023

© Символик, 2023

Содержание

От редакции	6
1. О слепой вере	7
2. На ком лежит «бремя доказательства»	9
3. Почему материализм ошибочен?	11
4. «Нет ни малейших доказательств, что Бог есть!»	15
Нравственный аргумент	16
Эстетический аргумент	21
Космологический аргумент: можно ли объяснить существование Вселенной без Бога?	24
Телеологический аргумент	30
5. Наука и религия	33
А был ли конфликт?	33
Противоречат ли чудеса законам природы?	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Худиев
Почему мы уверены. Разумных
причин для веры в Бога
гораздо больше, чем вы думали

© Худиев С. А., 2023

© Оформление. АНО развития духовно-нравственных начал общества «Символик»,
2023

От редакции

В любом разговоре на тему христианской религии неизменно возникает слово «вера», и это не удивительно. Ведь и в Библии это слово и стоящее за ним понятие – одно из ключевых. Однако иногда оно создает не вполне точное представление о нашем истинном отношении к той реальности, которую принято называть духовным миром, и к тем событиям, о которых повествует Священное Писание. Можно и нужно сказать, что мы верим в реальность духовного мира и в подлинность библейских событий. Но в каком смысле *верим*? Не сродни ли эта наша вера вере детей в сказочных персонажей или в Деда Мороза, который кладет подарки под елку в новогоднюю ночь? Может быть, нам просто по каким-то причинам удобно считать, что Бог есть, и мы себя в этом просто убедили? Ведь наука уже так основательно изучила «механику» мироздания, что, кажется, нам остается только повторить вслед за французским астрономом и математиком Пьером-Симоном Лапласом его знаменитое высказывание: в гипотезе о существовании Бога я не нуждаюсь!..

И все-таки возьмем паузу, прежде чем сказать это.

Не всё так просто.

Ведь вера – это не только уверенность в чем-то. Это еще и доверие. Доверие авторитетным для нас людям, источникам информации. Много ли мы знаем из личного, нашего собственного, непосредственного, не опирающегося ни на какое постороннее свидетельство опыта? Будем честны: большинство фактов, которыми мы владеем, известно нам со слов других, авторитетных для нас людей – ученых, путешественников, специалистов, глубоко занимавшихся тем или иным вопросом и, как мы верим, не желающих нас обманывать. Если мы доверяем опыту ученых, рассказывающих о результатах своих экспериментов, но пренебрегаем опытом святых, рассказывающих нам о Боге, то у нас должны быть какие-то серьезные причины для такой избирательности. Большой вопрос, есть ли они у нас.

Вера – это еще и верность. Верность тому, что однажды открылось нам, что стало в какой-то момент нашей жизни кристально ясным, хотя потом, может быть, затуманилось. Это верность истине, которую мы нашли (или она нашла нас) и опознали как истину. Кто-то может сделать вид, что этой встречи никогда не было, и жить как живет. Но верующий человек чувствует себя обязанным хранить верность той истине, которую некогда обрел, даже если впоследствии она скрылась из виду.

Вера – совсем не такая простая и банальная вещь, как это может показаться на первый взгляд. Мы верим во Христа, воплотившегося Бога, некогда сотворившего Вселенную, а примерно 2000 лет назад искупившего нас от греха и смерти Своей собственной смертью, не только потому, что такая вера нам нравится или удобна. У нас есть самые серьезные основания полагать, что именно так дело и обстоит. И более того: оснований верить в Бога (и не в какого-нибудь, а в Того Самого, Которого знает христианство) у нас на порядок больше, чем у атеистов – утверждать, что Бога нет. Может быть, кого-то из читателей это удивит, но вера в Бога абсолютно логична, рациональна и доказательна – чего не скажешь о вере в Его отсутствие.

Хотите в этом убедиться? Просто начните читать эту книгу.

1. О слепой вере

Главное, что Бог ценит в человеке, – безосновательная слепая вера: «Верую, ибо это абсурдно».

Это не так, и нам стоит заметить две вещи: 1) атеизм может быть не менее «слепой верой», то есть мировоззрением, принятым без всякого рассмотрения; 2) зрелая христианская вера не является «слепой» и слепоты вовсе не приветствует.

Противопоставлять атеизму «слепую веру» значит противопоставлять теплое и зеленое. Психологические причины, по которым человек придерживается каких-то убеждений, и обоснованность самих этих убеждений лежат в разных плоскостях. Советский школьник мог верить в то, что «наука доказала, что Бога нет», не менее слепо, чем школьник в царское время верил, что Бог есть, – не входя ни в какие личные исследования вопроса, просто полагаясь на мнение родителей и учителей.

Атеизм может быть слепым

Атеистические убеждения могут быть не менее «слепыми», то есть принятыми безо всякого исследования, из доверия к авторитету, чем религиозные. То, как человек принял те или иные убеждения, еще ничего не говорит нам об их ложности или истинности.

Более того, как верующие, так и атеисты могут проявлять зашоренность и нежелание знать что-либо, что теоретически могло бы подорвать их сложившееся мировоззрение. Это не особенность веры или атеизма, это особенность человеческой психологии. Для нее есть даже специальный термин – confirmation bias, «склонность к подтверждению своей точки зрения»: из всей доступной информации человек склонен выбирать то, что хорошо вписывается в его уже сложившееся мировоззрение, и игнорировать или отрицать то, что ему не соответствует.

Интеллектуальный поиск, способность усомниться в своей позиции, открытость к новым данным – всё то, что противоположно «слепой вере», – может привести человека вовсе не к атеизму.

Я как-то читал интересную историю одного английского журналиста. Сначала он был христианином, затем, будучи по природе человеком, склонным к вопросам и сомнениям, стал атеистом. Но потом он стал внимательно исследовать уже атеистическое мировоззрение – и засомневался в нем. Наконец он вернулся – уже на новом уровне понимания – к христианской вере.

Христианство и «слепая вера»

Христианство не поощряет «слепой веры», потому что живая вера предполагает духовный и интеллектуальный рост. От христианина ожидается, что он будет прилагать усилия, чтобы понять, во что он верит, почему, и что из этого следует. «Слепая вера» может легко сделать человека жертвой лжеучителей. Поэтому христианство породило чрезвычайно мощную интеллектуальную традицию – от ранних отцов Церкви до Владимира Соловьева. Традицию, которая продолжает развиваться.

Мы совершенно согласны, что «безосновательная слепая вера» – это неправильно. Да, мы все склонны игнорировать доводы тех, кто с нами не согласен. Но поиск истины предполагает, что мы готовы открыться, выслушать, ознакомиться с другой точкой зрения.

Но разве христианство не требует доверия авторитетам?

Любая человеческая деятельность требует такого доверия. Большую часть того, что мы знаем, мы знаем потому, что поверили другим людям. Я никогда в жизни не видел микробов – да и не мог бы их увидеть. Но я полагаюсь на авторитет учителей, которые еще в школе

мне о них рассказали и призвали мыть руки перед едой. Учителя, в свою очередь, узнали об этом от других учителей, а те, в конечном итоге, – от ученых-микробиологов. Нам обычно не приходит в голову проверять их работу, мы просто полагаемся на то, что они компетентные и добросовестные специалисты. Вообще, большинство из нас не может проверить те или иные утверждения ученых: для этого нужно учиться годами, стать специалистом, иметь доступ к специальному оборудованию и т. д. Но мы обычно доверяем их авторитету.

В интернете немало сторонников различных «теорий заговоров», которые полагают, что ученые (и особенно медики) хотят всех убить, но обычно мы от них отмахиваемся. Почему? Потому, что мы всё тщательно сами проверили? Нет, мы просто полагаемся на авторитет. Мы доверяем специалистам.

Доверие может быть разумным выбором

Конечно, это доверие не является слепым: мы можем объяснить себе, почему мы им доверяем. Мы по некоторым основаниям приходим к выводу, что эти люди достойны доверия, и полагаемся на их слово.

В области истории мы склонны доверять свидетелям тех или иных исторических событий: например, мы верим, что Пушкин был смертельно ранен на дуэли с Дантесом, потому что полагаемся на свидетельства очевидцев, которые оставили нам письменные воспоминания об этом событии.

Как христиане мы полагаемся на свидетельства апостолов о жизни, смерти и Воскресении Господа нашего Иисуса Христа. Мы доверяем авторитету апостолов и принимаем их свидетельство как людей добросовестных.

2. На ком лежит «бремя доказательства»

Атеисты не обязаны доказывать, что Бога не существует. Бремя доказательства лежит на той стороне, которая выдвигает какие-то утверждения, а не на той, которая их отрицает.

Действительно, обязанность доказывать утверждение лежит на том, кто его выдвигает. Доказать негативное утверждение – такое, как «Бога нет», невозможно, и атеисты не обязаны этого делать. Однако из этого никак не следует, что мы должны принимать атеизм как позицию по умолчанию и держаться ее, пока нам не доказано обратное.

Но почему? Разве атеизм делает какие-то утверждения, которые нуждаются в доказательствах? Он просто отрицает Бога.

На самом деле, делает. Атеизм неизбежно предполагает ряд позитивных утверждений о реальности, которые нуждаются в обосновании.

Атеизм связан с философией материализма. Теоретически возможны атеисты-нематериалисты, но вы их едва ли встретите. А материализм – это представление, согласно которому вся реальность сводится к материи, управляемой безличными и неизменными законами природы. Это, в частности, означает, что в конечном итоге всё в реальности можно описать на языке законов физики (поэтому такое представление еще называют физикализмом). Сознание, мышление, воля, эмоции – всё это результат чрезвычайно сложных, но чисто материальных процессов, происходящих в коре головного мозга.

Вот что пишет, например, группа атеистических лидеров-интеллектуалов в «Декларации в защиту клонирования»: *«Всё богатство репертуара человеческих мыслей, чувств, устремлений и надежд <...> рождается благодаря электрохимическим процессам в мозгу, а не некоей нематериальной душе, деятельность которой инструментально не обнаруживается»*.

Это определенно позитивное утверждение о реальности (причем весьма проблематичное, как мы рассмотрим чуть дальше), и бремя его доказательства лежит на тех, кто его выдвигает.

Но принцип «бритвы Оккама» требует воздерживаться от веры в сверхъестественное – по крайней мере, до тех пор, пока оно не доказано.

«Бритва Оккама» – методологический принцип, выдвинутый в XIV веке английским монахом-францисканцем Уильямом Оккамом. Он обычно формулируется так: «Не умножай сущностей сверх необходимого». Если какое-то явление можно объяснить без привлечения каких-то сущностей – значит, эти сущности и не нужны. Если можно объяснить такое явление, как молния, исключительно природными причинами, значит, нет нужды объяснять ее гневом Зевса, Перуна или Тора. Подобно этому, если мы можем объяснить мироздание без Бога, значит, представление о Нем излишне, и нам не следует в Него верить, утверждают атеисты.

Этот довод содержит несколько ошибок.

«Сверх необходимого» для чего?

Прежде всего обратим внимание на неопределенность формулировки. «Не умножай сущностей сверх необходимого», но – необходимого для чего? Бессмысленно спрашивать, необходима мне та или иная сущность или нет, пока я не разобрался с вопросом, для чего она может быть необходима. Чего я хочу, какие цели перед собой ставлю? Если я хочу измерить площадь комнаты, мне не понадобится такая сущность, как стоящий здесь же ее хозяин – но из этого никак не следует, что хозяина комнаты не существует.

Поэтому мы должны обязательно уточнить – для чего могут быть необходимы сущности, умножать которые сверх меры не стоит? Если мы ответим: для того, чтобы объяснить то или иное явление, – то перед нами неизбежно встанет другой вопрос: что мы называем словом «объяснить»? И если мы скажем, что объяснить значит указать необходимую и достаточную причину, то как мы определяем достаточность причины?

Чем объясняется смерть Пушкина? Можно сказать: огнестрельным ранением, вызвавшим несовместимые с жизнью повреждения внутренних органов. Будет ли это достаточным объяснением? С точки зрения медицины – вполне. Но нас, по-видимому, такое объяснение не удовлетворит: мы захотим узнать, при каких обстоятельствах поэт получил смертельную рану, кто стрелял, каковы были его мотивы, какое развитие событий привело к такому исходу, какое впечатление эта смерть произвела на современников, как она повлияла на дальнейшую историю русской литературы. Чтобы ответить на эти вопросы, нам понадобится углубиться в рассмотрение культуры того времени, дуэльного кодекса, личной жизни поэта, развития языка и литературы и многих других реалий, находящихся совершенно вне поля зрения судебно-медицинских экспертов.

Отвечая на поставленный перед ним вопрос: что с медицинской точки зрения вызвало смерть поэта? – эксперт совершенно справедливо воспользуется «бритвой Оккама» и отклонит предположения, что Пушкина погубили при помощи магии Вуду или что он умер от простуды. Пулевое ранение окажется совершенно достаточным объяснением. Однако мы весьма удивимся тому эксперту, который скажет, что, поскольку смерть поэта вполне объясняется этим ранением, его незачем объяснять как-то еще – конфликтом с Дантесом, приведшим к дуэли, обычаями того времени и социального слоя, тогдашними понятиями о чести и т. д.

Необходимы ли все эти «сущности» для объяснения смерти поэта? Смотря с какой точки зрения посмотреть. С точки зрения судебной медицины – нет. Значит ли это, что в реальности всего этого не существовало? Это предположение показалось бы нам очень странным.

Бог – «лишняя сущность»? Для чего именно «лишняя»?

Ровно ту же самую логическую ошибку допускают люди, использующие «бритву Оккама» для отрицания Бога. Естественные науки основаны на повторяющихся наблюдениях и воспроизводимых экспериментах; над Богом экспериментов ставить невозможно, Он не является предметом рассмотрения естественных наук. Он является «лишней» сущностью для естествоиспытателя так же, как Наталья Гончарова или Дантес являются «лишними» сущностями для судебно-медицинского эксперта – они просто находятся вне поля зрения его профессиональной деятельности. Никаких выводов о бытии (или небытии) сущностей, лежащих за пределами решаемой нами конкретной задачи, мы, пользуясь «бритвой Оккама», делать не можем.

Еще одна ошибка связана с тем, что мы не можем объяснить бытие вселенной в целом, не обращаясь к некоей причине, лежащей за ее пределами. Но об этом подробнее позже, когда мы поговорим о космологическом аргументе в пользу бытия Божия.

3. Почему материализм ошибочен?

Практически все атеисты, с которыми можно встретиться в реальной жизни, материалисты. Материализм признает существование единственной субстанции – материи: все сущности, с точки зрения материалиста, образованы материей, а все явления (в том числе и сознание) возникают в процессе взаимодействия материальных сущностей. С материализмом неизбежно связан натурализм, то есть представление о реальности как о замкнутой системе причинно-следственных связей, управляемой безличными и неизменными законами природы (и только ими). В рамках этой картины мира любые события могут быть только результатом предыдущих состояний системы и неизменных законов движения материи.

Один из «новых атеистов», американский физик Виктор Штенгер формулирует это мировоззрение как «представление о том, что всё есть материя и ничего больше».

Натурализм не допускает существования чего-либо сверхъестественного, то есть выходящего за рамки этой системы.

Но ведь христиане тоже признают существование материи, управляемой законами природы?

Конечно. Христианский теизм (то есть мировоззрение, постулирующее веру в личностного Бога-Творца) признает реальность материальной природы как системы, управляемой определенными безличными законами. Но, с точки зрения христиан, реальность не исчерпывается природой: у природы есть Создатель – Бог, Который создал ее и поддерживает в бытии. Бог также создал и нематериальные сущности – ангелов, архангелов и души людей. Дух может взаимодействовать с материей, а в определенных, исключительно редких и важных случаях, Бог может действовать поверх знакомых нам законов природы, творя чудеса.

Даже философы-материалисты признают, что материализм имеет ряд неразрешенных – и, видимо, неразрешимых – проблем. Одна из них – это проблема свободной воли.

И какие проблемы у материализма со свободной волей?

В рамках материализма все наши мыслительные и волевые акты целиком и полностью обусловлены чрезвычайно сложными, но полностью материальными процессами в коре нашего головного мозга. Эти процессы (как и всё в мироздании) развиваются согласно неизменным законам природы, их результат полностью определяется чисто материальными причинами.

Как пишет об этом нейрофизиолог (и убежденный материалист) Френсис Крик, «Вы, ваши радости и скорби, ваши воспоминания и устремления, ваше чувство личной идентичности и свободной воли – на самом деле не более, чем определенное поведение огромного скопления нервных клеток и связанных с ними молекул. Вы – не более чем набор нейронов... хотя и кажется, что мы обладаем свободной волей, наши решения уже предопределены для нас, и мы не можем этого изменить».

Известный космолог (и атеист) Стивен Хокинг пишет в своей книге «Высший Замысел»: «Хотя мы думаем, что способны делать осознанный выбор, наши познания в области молекулярных основ биологии свидетельствуют, что биологические процессы подчиняются законам физики и химии, а потому столь же детерминированы, как и орбиты планет. <...>

Трудно себе представить, как может проявляться свобода воли, если наше поведение определяется физическими законами. Поэтому, похоже, мы представляем собой не что иное, как биологические машины, а свобода воли – просто иллюзия».

Материализм, как объясняет известный атеистический публицист Ричард Докинз, означает, что свободная воля – иллюзия: «Будучи материалистом, я придерживаюсь того взгляда, что сознание – это нечто, что возникает из мозга, внутри мозга. И я думаю, что компьютеры не

наделены свободной волей: я совершенно уверен, что всё, происходящее в компьютере, предопределено другими событиями во внешнем мире и – еще в большей степени – внутри самого компьютера. В этом смысле у компьютеров нет свободной воли. Но в этом смысле ее, скорее всего, нет и у нас... Я не могу с точностью сказать, что это значит, но, думаю, это означает или может означать, что, когда я думаю, что принимаю решение; когда иллюзорная сущность внутри меня, которую я считаю "мной", принимает решение, в действительности оно *уже* принято».

Итак, материализм не оставляет места не только для Бога, но и для человека; остается только «иллюзорная сущность внутри меня, которую я считаю "мной"».

Это мировоззрение, которое требует от Вас объявить иллюзией не только мистический опыт молитвы и богообщения, но и самый повседневный опыт действия свободной воли. Кто в таком случае страдает от иллюзии? Докинз прекрасно сформулировал ответ: «Иллюзорная сущность внутри меня, которую я считаю "мной"». Но кто этот «я», который ошибочно считает себя «собой»? Иллюзия, которая страдает от иллюзии?

Итак, отметим это, материализм противоречит нашему непосредственному опыту – опыту свободной воли.

Более того, если материалисты правы, то даже само мышление невозможно.

Почему материализм делает невозможным мышление?

С точки зрения материализма, все наши мыслительные и волевые акты целиком и полностью обусловлены чрезвычайно сложными, но полностью материальными процессами в коре нашего головного мозга. Эти процессы (как и всё в мироздании) развиваются согласно неизменным законам природы, и их результат полностью определяется чисто материальными причинами.

Но если это так, то само наше мышление невозможно. Мышление – это процесс, в ходе которого мы делаем выводы из предпосылок. Мы утверждаем что-то на определенных основаниях. Например, на основании медицинской статистики мы утверждаем, что люди, злоупотребляющие спиртным, чаще страдают циррозом печени.

Конечно, мы вправе придерживаться определенных убеждений и по причинам полностью иррациональным. Например, я могу считать, что вареная свекла вредна для печени, потому что мне не нравится ее вкус. Причиной для такого убеждения могут быть какие-то особенности моего организма или жизненного опыта, по которым мне не нравится вкус свеклы, но нет для него никаких логических оснований. Наше мышление работает правильно, только если причины, по которым мы в чем-то уверены, совпадают с логическими основаниями.

Но что является причиной мыслительных актов в материалистической вселенной? Определенные состояния материи, определяемые неизменными законами природы. В этом случае все наши точки зрения обусловлены физическими и только физическими причинами – «электрохимическими процессами в мозгу». Согласны вы с точкой зрения автора или нет, находите его аргументы убедительными или вздорными, будете ли вы теистом или материалистом – всё это полностью определяется электрохимическими процессами в коре вашего головного мозга, а эти процессы – предыдущими состояниями системы и неизменными законами движения материи. Как замечает Клайв Стейплз Льюис, «строгий материализм опровергает сам себя по причине, о которой давно сказал профессор Холдейн: если мои мыслительные процессы полностью обусловлены поведением атомов моего же мозга, у меня нет оснований доверять своим мнениям... и тем самым нет оснований считать, что мозг состоит из атомов».

Разве сознание не сводится к материи?

Кроме вопроса о свободной воле, существуют еще по крайней мере две проблемы, которые не позволяют свести сознание к материи. Это так называемая проблема «квалиа» и интенциональность.

«Квалиа» в переводе с латыни – «каково оно». Так именуют субъективное переживание – например, боли, вкуса или холода. Говоря словами поэта, «свежесть утра, запах мяты, крик радости, восторга дрожь». По определению философа Фрэнка Джексона, «квалиа» – это «определенные качества в первую очередь телесных ощущений, но также и определенных актов восприятия, в которые не входит никакое количество физической информации».

Допустим, врачи запретили Петру есть киви, так что он никогда в жизни не пробовал этого фрукта. Петр обладает всеми возможными научными знаниями о киви: он знает химический состав сока, знает, как сок воздействует на вкусовые рецепторы языка, как сигнал по нервам поступает в человеческий мозг и возбуждает определенные цепочки нейронов. Иначе говоря, он обладает всеми знаниями о киви, которые только могут быть выражены объективным, научным языком. Но знает ли он вкус киви? Очевидно, нет.

Представим себе, что в один прекрасный день врачи решили, что ошибались, и разрешили Петру есть киви. Когда он первый раз попробует этот фрукт, узнает ли он нечто новое? Очевидно, да.

Возьмем другой пример: допустим, ученый-оптик, страдающий дальтонизмом (из-за дефекта сетчатки он видит мир черно-белым), знает всё о красном цвете – длину волны, какие предметы имеют этот цвет и почему и т. д. Знает ли он при этом, как выглядит красное? Ясно, что нет. Допустим, он чудесным образом исцелился от дальтонизма и увидел красный цвет – узнал ли он что-то новое? Конечно, да.

Существует древнее суфийское высказывание о кофе: «Тот, кто чувствует вкус, знает; кто не чувствует – не знает».

Словом, наш сознательный опыт в принципе не может быть сведен к движению материи и описан на языке материализма. Следовательно, и сознание нельзя свести к материальным процессам в мозгу.

Теперь немного поговорим об интенциональности. Сам этот термин – «интенциональность» – принадлежит австрийскому философу Францу Brentano. Перевести его можно приблизительно как «направленность» или «о-чем-тость».

Вот как пишет об этом сам Brentano: «Любое явление сознания включает в себя что-то как свой объект. В представлении что-то представляется, в суждении – утверждается или отрицается, в любви – любит, в ненависти – ненавидится, в желании – желается и так далее. Это особенность исключительно явлений сознания; ни с одним физическим явлением не происходит ничего подобного. Таким образом, мы можем определить явления сознания, указав, что они содержат свой объект внутри самих себя».

Всякий психический акт направлен на нечто: мы думаем о чем-то, любим что-то, ненавидим что-то. Эта направленность предполагает желательность, избирательность, заинтересованность в рассмотрении именно этого объекта, а не другого. Иными словами, у нас возникает то или иное *субъективное отношение* к объекту. В направленности на объект присутствует *субъективная* компонента.

Но ни один материальный объект или процесс, насколько мы можем судить, не обладает подобным свойством направленности. Следовательно, сознание невозможно свести к материи.

Философ-атеист Томас Нагель, профессор философии и права Нью-Йоркского университета, написал книжку «Сознание и Космос: почему материалистическая неodarвинистская концепция природы почти наверняка ошибочна». Нагель обращает внимание на принципиальную неспособность материализма объяснить феномен сознания. По его словам, «материализм недостаточен даже для объяснения физического мира, поскольку физический мир включает в себя существа, обладающие сознанием, и это наиболее поразительные его обитатели».

Материализм и рациональная упорядоченность Вселенной

Наука существует благодаря тому, что мир упорядочен, предсказуем и постижим для разума. Мир не хаотичен, он управляется определенными законами, которые описываются математически. И у материализма нет ответа на вопрос об источнике такой упорядоченности: законы природы «просто есть», им не дается никаких объяснений. Альберт Эйнштейн не был верующим человеком в сколько-нибудь ортодоксальном смысле этого слова, но он обращал внимание: «вера в то, что правила этого мира рациональны, то есть постижимы для разума», имеет религиозные корни. В рамках материализма у нас нет никаких оснований ожидать от мира такой рациональной упорядоченности, ведь материализм отрицает возможность существования какого-либо источника такой рациональности. На вопрос о причине существования законов природы материализм просто отказывается отвечать – потому что ответить ему нечего.

4. «Нет ни малейших доказательств, что Бог есть!»

Напротив, такие доказательства существуют, и прямо сейчас мы ими займемся.

Нравственный аргумент

Этот аргумент представляется наиболее очевидным и простым – с него, например, начинает английский писатель Клайв Стейплз Льюис в своей книге «Просто христианство». Его можно сформулировать по-разному. Я воспользуюсь формулировкой американского философа Уильяма Лэйна Крейга. В этой формулировке аргумент выглядит так:

- *если Бога не существует, то не существует и объективных моральных ценностей или обязательств;*
- *объективные моральные ценности и обязательства существуют;*
- *следовательно, Бог существует.*

Рассмотрим этот аргумент подробнее и начнем прямо с первого пункта: *если Бога не существует, то не существует и объективных моральных ценностей или обязательств.*

Что такое «объективные моральные ценности и обязательства»?

Объективной реальностью школьный учебник физики называет то, что существует независимо от нас и наших мыслей об этом. Члены первобытного племени могут верить, что совершение магического обряда вызывает дождь, а некоторые современные горожане – что некоторые действия привлекают удачу в делах или счастье в личной жизни. Но *объективно*, на самом деле, в реальной действительности это не работает.

Так же обстоит дело с объективными моральными ценностями и обязательствами: они существуют независимо от нас и наших мнений.

Некоторые современные мыслители, например, Питер Сингер, выступают за легализацию инфантицида, то есть не только за аборт, но и за возможность легально умерщвлять уже рожденных младенцев. Допустим, что их точка зрения принята всеми в мире: все согласились, что убивать младенцев можно. Будет ли правильно убивать младенцев, раз с этим все согласны? Перестанет ли это быть злом? Нет, не перестанет. *Объективно* неправильно лишать жизни невинное человеческое существо, каковым является младенец, независимо от того, что думают по этому поводу те или иные (или даже все) люди. Человек, который убивает младенца, *объективно* совершает злодеяние – даже если его действие полностью легально, даже если общество его одобряет.

«Ну конечно, убийство невинного – объективное зло, – можете сказать вы. – Но при чем тут Бог?»

Ну хорошо, вы согласны, что убивать младенцев – великое зло, а вот Питер Сингер (весьма уважаемый философ) считает, что это вполне допустимо. Кто-то согласен с вами, а другие – с ним. Почему же именно ваше, а не его убеждение объективно верно? С какой *объективной* точки зрения мы должны посмотреть, чтобы рассудить между вами? В мире, где нет никаких других моральных авторитетов, кроме людей, всё, чем мы располагаем, – это мнение одной группы людей против мнения другой группы. Вы считаете, что они неправы, они придерживаются такого же мнения о вас, а есть еще другие группы со своими предпочтениями. Расистов страшно возмущают межрасовые браки, веганов – употребление в пищу мяса; у всех свои представления о допустимом. В атеистической вселенной просто не существует какого-то объективного критерия, с которым мы могли бы сопоставить все эти мнения, чтобы оценить их правильность. Все суждения носят неизбежно субъективный характер. Все нравственные «ты должен» – не больше, чем требования, выдвигаемые от имени тех или иных групп людей, причем разные группы выдвигают разные требования. И с какой стати я или вы должны слушать тех или других, или вообще кого-либо?

Тут самое время перейти ко второму пункту нравственного аргумента: *объективные моральные ценности и обязательства существуют.*

Об этом говорит наш нравственный опыт. Мы, люди, сознаем, что должны поступать определенным образом, что определенные поступки заслуживают порицания, а другие – похвалы. Даже люди, которые на словах отрицают объективный характер морали, будут искренне возмущены, если вы попытаетесь поступить аморально по отношению к ним – украсть их деньги или нарушить данные им обещания.

Это всеобщее сознание морального закона особенно ярко проявляется в нашей склонности порицать и осуждать других людей. Как пишет апостол Павел, *«итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий [другого], ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя [другого], делаешь то же»* (Рим. 2:1). Ругая других людей за нечестность, недобросовестность, лень и черствость, мы тем самым провозглашаем, что они обязаны быть честными, добросовестными, усердными и добрыми. Мы обращаемся к какому-то закону, который они должны соблюдать, но не соблюдают; к какому-то стандарту поведения, отступление от которого делает их виновными. Но раз такой стандарт существует, он относится и к нам самим: мы сами должны вести себя определенным образом и оказываемся виновны, если не делаем этого. Даже самый решительный атеист, когда он порицает духовенство или восхваляет своих собратьев-атеистов, апеллирует к какой-то моральной норме, к объективному закону, которому должно повиноваться.

И, наконец, вывод: *следовательно, Бог существует.*

Итак, люди сознают, что они (и их ближние) обязаны поступать определенным образом. Они оказываются виновны и заслуживают порицания, если так не поступают.

Кто (или что) является источником этих обязательств? *Кому* они обязаны?

Обществу? Не похоже: случается, что именно человек, выступающий против своего общества (например, немецкий антифашист), поступает по совести. Общество бывает неправо, и нередко люди требуют изменить те или иные общественные установления, находя их жестокими, несправедливыми или аморальными. Но для этого они должны обращаться к какому-то более высокому, чем у общества, стандарту справедливости и милосердия. Откуда он берется? И откуда берется наше обязательство ему повиноваться? Чьей властью совесть требует от меня поступать определенным образом? Требования совести – это не дружеские советы, которые можно без последствий отвергнуть; противление совести делает нас виновными – но перед кем? Перед Кем-то, Кто, во-первых, является Личностью: нравственные предпочтения, способность судить и оценивать могут быть только у личности. Во-вторых, – обладает правом налагать на нас эти обязательства и ответственность за их исполнение И, в-третьих, – является Законодателем и Судией для всех людей без исключения: нравственные обязательства распространяются на каждого из нас.

Единственный, кто отвечает таким критериям, – Бог.

Итак, наш опыт нравственного долженствования указывает на реальность Законодателя, Который является Автором Закона; на Царя, Который имеет власть обязывать нас Ему повиноваться; на Судию, перед Которым мы несем ответственность. Как говорит пророк Исайя: *«Ибо Господь – судия наш, Господь – законодатель наш, Господь – царь наш; Он спасет нас»* (Ис. 33:22).

Но против нравственного аргумента можно выдвинуть ряд возражений...

Давайте их подробно рассмотрим.

В Библии есть примеры того, как Бог менял мораль. То есть абсолютной морали нет и у Бога?..

Тут нам следует отметить две вещи. Во-первых, нравственный аргумент совершенно не зависит от Библии, Церкви или от того, что богословы называют «специальным откровением» (то есть зафиксированным в религиозной традиции). Он относится к так называемому «общему откровению» – к тому, что можно знать о Боге и вне библейского откровения. Нравственный аргумент вообще не обращается к Библии или Церкви. Он лишь указывает нам на бытие нравственного Законодателя и Судии, и указывал бы, даже если бы никакой Библии люди никогда не видели. Поэтому критика Библии никак не подрывает этот аргумент.

А во-вторых, отметим, что Библия – это история взаимодействия людей и Бога, и, конечно, понимание людьми Божьего закона (но не сам этот закон!) менялось.

Более подробно на критику Библии мы ответим отдельно, в других разделах этой книги.

А каковы критерии объективности в моральной сфере? Вы говорите, что убивать младенцев аморально. Я с этим согласен, но ведь общества с жертвоприношениями младенцев богам существовали! Значит, их «моральная объективность» была другая?

«Объективно» то, что существует независимо от нас и наших мнений, в том числе и от мнений других людей. Существовали общества, где приносить младенцев в жертву Ваалам и прочим «божествам» считалось правильным. Были общества, где лишать жизни раба не считалось преступлением. Сейчас мы живем в обществе, где считается допустимым лишать жизни младенцев во чреве матери. А «объективность» морали означает, что добро и зло не меняются в зависимости от взглядов, принятых в том или ином обществе.

При этом, конечно, люди могут расходиться во мнениях о том, что именно сообразно этому объективному моральному закону и какие действия из него вытекают. Точно так же дело обстоит и с обычным, юридическим законом. Адвокаты сторон, очевидно, трактуют закон по-разному, каждый – в интересах своего клиента. Но для того, чтобы между сторонами имел место судебный процесс (а не драка), они должны апеллировать к одному и тому же своду законов. Притязания (обоснованные или нет) тех или иных людей на то, что их позиция «законна» и «справедлива», возможны только в том случае, если существует сам этот закон.

В разных обществах существуют разные нравственные нормы: то, что считалось нормальным, например, у ацтеков, сегодня нами воспринимается как дикость. Так существует ли действительно всеобщий закон?

Мы все порицаем общества, в которых было принято безнаказанно убивать рабов или приносить в жертву младенцев. А это неизбежно означает, что мы признаем какой-то моральный стандарт, по которому можно оценивать любое человеческое общество. Когда мы порицаем одни общества за дикость и жестокость, а другие хвалим за цивилизованность и гуманность, мы уже прилагаем к ним всем какой-то общий, универсальный стандарт.

Нравственность – это инстинкт, который сформировался в ходе эволюции, когда стадные приматы учились сотрудничать и преодолевать внутристадные конфликты. Разве не так?

Проблема этого объяснения в том, что оно отвечает не на тот вопрос. Мы вполне можем принять, что стадные животные, и в том числе приматы, вырабатывают какие-то правила внутристадного поведения. Более того, мы можем согласиться, что стадные животные иногда могут проявлять то, что мы бы назвали «альтруизмом», по отношению к членам своей группы. Но это никак не отвечает на вопрос: почему я должен поступать определенным образом? Еще английский философ Дэвид Юм в XVIII веке обратил внимание на то, что из фактов о мире никак невозможно вывести наши моральные обязательства: из «есть» не следует никакого «должно быть» (так называемая «гильотина Юма»).

Стадные приматы придумали помогать друг другу? Очень хорошо, я рад за них, но к чему это обязывает меня? Каким образом некие предполагаемые (и давно мертвые) эволюционные предки могут указывать мне, что я должен и чего я не должен?

То, что мы предъявляем друг к другу и сами к себе моральные требования, вовсе не обязательно подразумевает наличие «объективных моральных обязательств». Верите вы в Бога или нет, но, если мы с вами подписали договор, то у каждой из сторон есть право требовать его соблюдения просто по факту взятия на себя подписантом соответствующих обязательств.

Тут возникают три проблемы.

Во-первых, сам факт заключения договора предполагает, что еще до его подписания обе стороны приняли нравственное обязательство: «ты всегда должен соблюдать договоры, даже если это тебе во вред». А почему это вдруг? Может быть, я принадлежу к одному из тех сообществ, где обмануть чужака – дело чести, доблести и геройства? Пусть даже это сообщество состоит из меня одного: допустим, по моему личному убеждению, какие угодно договоры можно нарушать, пока это сходит мне с рук. Я неправ и виновен? Перед кем? По какому стандарту?

Во-вторых, договор, например, служащих «СС» с фюрером требовал с их стороны беспрекословного повиновения и исполнения приказов. Тем не менее, мы порицаем как злодеев тех, кто исполнил этот договор, и хвалим тех, кто его просаботировал. То есть мы не считаем, что договор надо соблюдать во *всех* случаях без исключений. Есть нравственные обязательства – например, воздерживаться от убийства заведомо невинных людей, – которые выше договора.

В-третьих, сам факт того, что мы заключили договор, не очевиден. Заключение договора – это все же некий осознанный акт, и когда вам сообщают, что вы, оказывается, имеете обязательства по некоему договору, который осознанно не заключали, вы вправе возмутиться. Вы, к примеру, не обязаны выплачивать кредит, которого не брали.

Любая провозглашаемая вами (даже в одностороннем порядке) нравственная максима возлагает на вас самих обязательство ее соблюдать. Например, если вы провозглашаете, что надлежит быть скромным и воздержанным, это делает обоснованным обращенное к вам требование жить скромно и воздержанно.

Тут у нас два затруднения.

Во-первых, получается, что мы заранее возлагаем на любого человека нравственное обязательство быть правдивым – еще до того, как он что-либо провозгласил. «Ты должен быть правдивым и последовательным» – требование, которое само по себе повисает в воздухе. Почему должен-то? А вот такой умный политолог, как Макиавелли, объясняет, что для политика всегда быть правдивым невозможно: напротив, в интересах государства он должен говорить одно, а делать другое.

Во-вторых, представим себе, что некий экстремист перед лицом своих товарищей торжественно пообещал взорвать себя в теракте. Но потом передумал и решил жить долго и счастливо, бросил своих товарищей, уехал в далекую страну и зажил там мирно и спокойно. Будут ли правы его товарищи, предъявляя к нему нравственные упреки? Ведь он определенно нарушил взятые на себя обязательства! Очевидно, нет. И к этому, и к любому другому случаю мы неизбежно прилагаем какие-то внешние критерии, какой-то объективный моральный закон, согласно которому оцениваем, какие обязательства надо соблюдать, а какие – нарушить.

Нравственность может носить эмоциональный характер. Например, наше нравственное чувство возмущают проявления подлости и жестокости. Никакой объективный закон для этого не нужен.

Для возмущения – не нужен. Точно так же расист может возмущаться, например, межрасовым браком. Его возмущение будет глубоким и искренним, но мы вряд ли его разделим и вряд ли решим, что оно нас к чему-то обязывает. Точно так же мое или ваше эмоциональное возмущение чем бы то ни было ни к чему не обязывает других людей. В утверждении «я испытываю такие-то чувства, и поэтому ты должен» нет никакой логики.

Эстетический аргумент

Эстетический аргумент обращается к нашему опыту красоты в мире.

Мы все – и верующие, и атеисты – переживаем чувство красоты, то, что называется эстетическим опытом. Яростный атеист Кристофер Хитченс, например, говорит: «Если вы потратите немного времени на то, чтобы рассмотреть поразительные фотографии, сделанные космическим телескопом Hubble, вы увидите вещи намного более таинственные, прекрасные и повергающие в трепет... чем любые религиозные истории о "творении" или "конце света"».

Другой известный атеист, английский писатель-фантаст Терри Пратчетт, чувствуя приближение смерти, писал: «Когда на горизонте замаячит конец игры, я хочу умереть, сидя в кресле, в моем собственном саду, с бокалом бренди в руке, с Томасом Таллисом в айпode, потому что музыка Томаса способна приблизить к раю даже атеиста».

У нас всех есть опыт переживания красоты – великолепие осеннего леса или (как у Пратчетта) красоты великой музыки. Более того, мы способны переживать красоту как ценность: великие картины прячут за пуленепробиваемое стекло, чтобы сохранить их от воров и вандалов, а некоторые местности объявляют заповедниками, чтобы сохранить их первозданное великолепие. Эта красота ставит перед нами определенный вопрос. Отражает ли наш опыт красоты некую реальность, которая существует в мироздании до нас, и которую мы просто – с благоговением и благодарностью – осознаем? Или красота – это только иллюзия, чисто субъективное переживание, которому не соответствует ничто за пределами нашего сознания?

Конечно, все мы способны переживать чувство красоты. Но как это доказывает бытие Бога?

Двумя путями. Их называют объективным и субъективным эстетическими аргументами. Субъективный эстетический аргумент обращается к нашей способности переживать красоту, объективный – к реальности красоты во вселенной.

Объективный эстетический аргумент

Рассмотрим сначала объективный эстетический аргумент. Тот же Хитченс призывает нас обратить внимание на то, что вселенная прекрасна. Мы воспринимаем красоту как некое объективное свойство мироздания. Даже атеист описывает звезды и галактики как «таинственные, прекрасные и повергающие в трепет». Даже он говорит так, как будто красота – это объективное свойство мироздания, которое мы признаем; не нечто, что мы привносим от себя, но то, что реально присутствует в мире.

Но откуда в мире может быть красота? Вселенная без Бога, вселенная, в которой нет ничего, кроме материи, бесконечно вращающейся по неизменным законам, не может породить красоты, потому что у безличной материи не может быть эстетических предпочтений. Такие предпочтения могут быть только у Личности, Художника и Строителя всего.

Приняв атеистическую картину мира, мы были бы вынуждены принять, что в мироздании как таковом нет ни величия, ни красоты, ни смысла, ни цели; всё это – не более чем наши оценки и субъективные переживания. Правильны ли это оценки? Это бессмысленный вопрос, как бессмысленно само мироздание. Бессмысленно спрашивать, правильно ли вы понимаете текст, если это и не текст вовсе, а случайная россыпь точек. Бессмысленно задаваться вопросом, смогли ли вы по достоинству оценить красоту звездного неба, если в звездах просто нет никакой красоты, которую можно было бы оценивать.

Но если вы признаете во Вселенной подлинную, объективную красоту, вы тем самым признаете некий стоящий за ней творящий разум, который предпочитает красоту, а не уродство.

Еще язычник Платон в диалоге «Тимей» говорит о том, что космос – прекраснейшая из возникших вещей, а его Устроитель – наилучшая из причин.

Субъективный эстетический аргумент

Этот вариант эстетического аргумента обращается к нашей способности переживать и ценить красоту. В материалистической картине мира все наши способности – не только телесные, но и те, что мы относим к духовной составляющей нашей личности, – есть плод эволюции, то есть процесса, в ходе которого качества, полезные с точки зрения продвижения генов, закреплялись, а бесполезные отсеивались.

Можно приискать эволюционное объяснение тому, что, например, лица противоположного пола кажутся нам красивыми (гены хотят продвинуть себя), или что вид накрытого стола радует глаз (эволюция велит нам хорошо питаться). Но это может как-то объяснить только очень узкий сегмент нашего эстетического опыта. Далекие галактики, ниагарский водопад или осенний лес несъедобны и вряд ли сексуальны; отыскать эволюционный смысл в нашей способности ценить их едва ли возможно. Есть гораздо более простое объяснение: эта способность видеть и ценить красоту вложена в нас нашим Создателем.

Ваши рассуждения будут хороши и основательны, если вы сумеете дать объективное определение красоты.

В этом нет необходимости, потому что мы исходим из общего для нас, верующих и атеистов, эстетического опыта.

Но у людей разные представления о красоте! Представители некоторых культур (или даже субкультур) могут так «красиво» нарядиться и накраситься, что неприличный человек испугается...

Чья-то эстетическая неразвитость не отменяет того, что люди эстетически развитые способны воспринимать красоту и видеть ее в одном и том же. Бах – великий композитор: это могут воспринять как верующие, так и атеисты. Кому-то, возможно, Бах покажется скучным, ему будут гораздо интереснее песенки-однодневки. Но это никак не отменяет опыта других людей, которые, независимо от их веры или неверия, способны оценить музыку Баха.

Точно так же встречаются грубые люди, неспособные оценить красоту природы; но их эстетическая неразвитость никак не ставит под вопрос опыт тех, кто может наслаждаться этой красотой.

В мире также много уродства. Не должны ли мы сделать из этого вывод, что предполагаемый Создатель мира любит уродство?

Уродство не обладает самостоятельным бытием, оно существует только на фоне красоты. Это порча, нехватка, умаление. Мы можем сказать, что вандал «изуродовал» картину, или раны «изуродовали» человека, или плохая постановка «изуродовала» пьесу – только при условии, что существует правильный, «неизуродованный», первоначальный образ картины, человека или пьесы. «Уродство» – это когда что-то пошло не так, сломалось, испортилось. Как и зло вообще, уродство несубстанционально, это дыра, порча, как прореха в штанах или дупло в зубе. Это не что-то созданное, а порча в созданном. С христианской точки зрения это результат греха, но и в любой другой картине мира уродство – это что-то вторичное. Это нехватка красоты там, где она должна быть, как тьма – это нехватка света. Поэтому уродство, в отличие от красоты, ничего не доказывает.

Наше переживание красоты – это всего лишь субъективные реакции в цепочках наших нейронов. Почему вы решили, что они должны отражать какую-то объективную реальность?

По двум причинам. Во-первых, мы делаем какие-то утверждения о реальности на основании нашего опыта. Наш опыт может быть иллюзорным: например, мы можем увидеть воду на дороге и, подъехав, убедиться, что это мираж. Но, чтобы объявить какой-то опыт иллюзорным, мы должны сопоставить его с каким-то более достоверным опытом. Например, воду, которую мы увидели издалека, – с сухой пустыней, которую мы обнаружили на месте. На каком основании мы могли бы утверждать, что наш опыт красоты иллюзорен и ему ничего не соответствует в реальности? Если мы говорим: «на самом деле туманность Андромеды не красива, это только чисто субъективная реакция в твоих нейронах», – то откуда мы берем это «на самом деле»? Как мы в этом убедились? «Весь наш опыт сводится к реакциям в цепочках нейронов» – утверждение, которое является предметом веры, и притом, как мы уже рассматривали, предметом крайне спорным.

Во-вторых, даже атеисты воспринимают красоту как некую объективную ценность и постоянно высказываются именно в этом ключе. Когда атеист Кристофер Хитченс призывает нас взглянуть на фотографии галактик, он едва ли хочет обратить наше внимание на реакции в его личных нейронах – он призывает нас восхититься красотой вселенной. Когда Докинз негодует на талибов, разрушивших старинные статуи Будды, он не хочет сказать: «ой, это производит неблагоприятные реакции в моих нейронах». Он явно имеет в виду, что разрушен прекрасный памятник, и это *объективно*, в реальности, немалая потеря.

И в этом случае, как во многих других, атеизм предстает перед нами как мировоззрение, которого невозможно придерживаться последовательно.

Космологический аргумент: можно ли объяснить существование Вселенной без Бога?

Вселенная требует причины, и эта причина – Бог

Объяснить – значит указать причину. Вселенная требует причины, и эта причина – Бог. Об этом говорит космологический аргумент.

Его можно кратко сформулировать так:

- *Всё, что начало существовать, имеет причину*
- *Вселенная начала существовать*
- *У вселенной есть причина, находящаяся вне ее, и эта причина – Бог.*

Этот аргумент может показаться несколько трудным, отвлеченным и философским, но на самом деле ничего особенно сложного в нем нет. Он восходит еще к Аристотелю, а подробно его сформулировал знаменитый средневековый мыслитель Фома Аквинский.

Космологический аргумент связан с вопросом о причине существования. Великий германский философ Готфрид Вильгельм Лейбниц сформулировал этот вопрос так: «почему существует нечто, а не ничто?» Этот аргумент встречается в различных формах, но мы рассмотрим только одну – аргумент «от обусловленности» (или «от случайности»).

Почему существует ноутбук, на котором я пишу этот текст? Я купил его в магазине. Как он туда попал? Его изготовили на заводе, и это потребовало как определенного сырья, так и усилий множества людей – математиков, изобретателей, инженеров, рабочих. Причины существования моего ноутбука лежат вне его; он обладает, как говорят философы, обусловленным (или случайным – в том смысле, что его могло бы и не быть) бытием. Таким же обусловленным бытием обладаю и я сам. Я существую благодаря браку моих родителей, дышу воздухом, потребляю воду и пищу – для всего этого необходимо как минимум существование нашей планеты с ее условиями для жизни. Планета Земля также не является своей собственной причиной – она образовалась около четырех с половиной миллиардов лет назад из материи, которая существовала до этого. Существование Солнца тоже обусловлено внешними причинами: оно сформировалось в результате процессов звездообразования в нашей галактике. Существование галактик обусловлено процессами, восходящими к моменту образования нашей вселенной, который космологи называют «большим взрывом». Чем обусловлен «большой взрыв», ученые (пока, во всяком случае) не знают.

Если всё – от ноутбука у меня на столе до галактик за миллиарды световых лет от меня – получает существование от чего-то (или кого-то) еще, то в самом конце цепочки должен существовать некий источник бытия; первопричина, которая не нуждается в том, чтобы получать существование от кого-то внешнего; которая обладает абсолютным, независимым бытием.

Что можно сказать об этой первопричине?

Она вечна – ведь, если бы она возникла во времени, ей предшествовало бы что-то, что привело ее в бытие, и она уже не была бы первопричиной.

Но вечная причина предполагала бы и вечное следствие: например, вечный мороз предполагал бы вечный лед. Породить цепочку причин и следствий *во времени* первопричина может только при условии, что она обладает еще одним качеством – свободной волей и сама принимает такое решение.

Почему цепочка причин и следствий не может быть бесконечной?

По ряду причин, но для экономии места просто обратим внимание на то, что бесконечная цепочка никак не снимает вопроса об источнике. Представьте себе, что на ваш компьютер

приходит письмо с воззванием: «Спасем леса Амазонки!» Это письмо прошло через множество компьютеров, через множество стран и континентов; люди, согласные с этим воззванием, пересылали его дальше – но мы, естественно, предположим, что у него был автор. Кто-то, озабоченный сохранением лесов Амазонки, запустил его в интернет. Вряд ли нас убедит предположение, что письма никто не писал, оно просто вечно и бесконечно крутится во всемирной сети. Чтобы оно могло там крутиться – вечно или нет, – кто-то должен его написать.

Так же обстоит дело и с существованием. Постулирование бесконечной цепочки никак не отвечает на вопрос, откуда в этой цепочке взялось существование.

Почему Вселенная не может быть вечной?

Теоретически можно было бы сказать, что мир существовал всегда, но против этого предположения говорит однонаправленность времени, одним из проявлений которого является второе начало термодинамики. Например, водород в недрах звезды превращается в ходе термоядерной реакции в гелий, энергия излучается в пространство – но обратного процесса не происходит: фотоны не собираются в одной области, чтобы превратить гелий обратно в водород. Пока вы читаете этот текст, количество водорода во Вселенной необратимо уменьшается. В бесконечно старой Вселенной он бы выгорел уже бесконечно давно и все звезды уже бы погасли.

В наши дни ученые сходятся на том, что возраст Вселенной ограничен и составляет примерно 13,7 миллиарда лет.

Существуют варианты космологического аргумента, которые не требуют в качестве предпосылки, чтобы у вселенной было начало. Аристотель как раз считал, что Вселенная начала не имеет, и о Боге говорил как о Перводвигателе, а не Первопричине. Но мы используем здесь более простой вариант.

Почему Вселенная сама по себе не может быть такой первопричиной? Почему она сама не может обладать абсолютным, необусловленным бытием?

Потому что сколько угодно материальных и обусловленных вещей – ноутбуков, звезд, планет, галактик – не могут составить в сумме нечто абсолютное.

Признавая, что мы с вами сейчас существуем, мы признаем некий источник существования – вечный, находящийся за пределами материальной Вселенной и однажды принявший решение привести эту материальную Вселенную в бытие.

Почему первопричина Вселенной не может быть материальной?

Давайте начнем с определения материи. Материя – это та часть реальности, поведение которой полностью определяется законами природы. Нечто, обладающее массой, протяженностью и локализацией в пространстве. То есть материя для своего существования требует уже существующей Вселенной, с пространством, законами природы и т. д. Нечто материальное не может быть причиной Вселенной, потому что может существовать только в уже существующей Вселенной. Фактически, сказать: «у Вселенной есть материальная причина», – это всё равно что сказать: «Вселенная вечна». Но это не так: у нас есть ряд причин полагать, что Вселенная имеет начало во времени, о которых мы уже говорили.

Есть ли в мире проявления сверхъестественного? Вспомним, что такое «сверхъестественное». Это нечто, выходящее за рамки природы как замкнутой системы причинно-следственных связей, управляемых безличными и неизменными законами.

Материалист предполагает, что вся реальность сводится к такой системе, теист – что, хотя материя, несомненно, существует, кроме нее существует и духовная реальность: Бог, ангелы, души людей.

Человеческое сознание, свободная воля, субъективные переживания – всё это, как мы уже обсуждали ранее, невозможно свести только к материальной причинности.

Почему мы должны за всем, в том числе и за Вселенной, предполагать причину?

В принципе, можно отрицать причинность, но тогда нам придется отказаться от науки, которая как раз и представляет собой исследование причин (вернее, определенной категории причин). Думаю, многие сочтут это слишком высокой ценой за атеизм.

Если у всего есть причина, как утверждает космологический аргумент, то причина должна быть и у Бога. Какие у нас основания делать для Него исключение?

Космологический аргумент не утверждает, что у всего есть причина. Это распространенное недоразумение, поэтому на нем нужно остановиться. Люди часто строят свою критику космологического аргумента, отталкиваясь от тезиса «у всего есть причина». Но такой тезис не входит в космологический аргумент! Космологический аргумент говорит: у всего, что начало существовать, есть причина, ничто не может привести само себя из небытия в бытие. Иначе говоря, у любого события есть причина.

Но Бог не начинал существовать. Он пребывает всегда. Поэтому Он не нуждается в причине.

Тот Бог, существование Которого пытается доказать космологический аргумент, в любом случае довольно далек от Бога Библии, Который активно вмешивается в ход истории, творит чудеса и т. д.

Конечно, космологический аргумент еще не доказывает истинность Библии – Библией нам предстоит заниматься отдельно. Он только опровергает атеизм и указывает на Творца мира. А открылся ли этот Творец людям, вышел ли на связь – мы будем обсуждать отдельно.

Стивен Хокинг считает, что Вселенная не нуждается в Создателе, потому что, «согласно закону всемирного тяготения, Вселенная могла и должна была появиться из ничего».

Стивен Хокинг, несомненно, великий специалист, что неизбежно означает – специалист узкий. Чтобы быть великим специалистом в какой-то области, нужны годы учебы, напряженная работа, предельная сосредоточенность на одной области знания, и поэтому нет ничего удивительного в том, что за пределами своей области ученый (даже такой гениальный, как Хокинг) делает ошибку. И даже не одну, а две.

Во-первых, законы природы не могут быть причиной чего бы то ни было. Они носят описательный, а не предписательный характер. Они просто описывают поведение материи, а не являются его причиной.

Во-вторых, законы применимы только к уже существующей Вселенной и не могут иметь отношения к ее возникновению.

Для выяснения вопросов о существовании и несуществовании чего-либо одного разума недостаточно, ибо это вопросы фактов.

Мы постоянно – и в науке, и в нашей повседневной жизни – делаем утверждения о реальностях, недоступных нашему наблюдению. Мы видим только следствия и исходя из них заключаем о существовании причин. Например, мы верим в существование электронов, которых никто не видел, на основании тех эффектов, которые они производят. В большой взрыв, в эволюцию. В то, что, если снег убран, – значит, тут поработал дворник.

Но если уж мы хотим представить нечто необходимо существующим, то почему бы не приписать это свойство самой Вселенной, «устраняя» Бога как новый элемент?

Вспомним разницу между необходимым и случайным. Случайно то, что может и не быть. Например, мое бытие случайно: если бы родители не встретились, меня бы не было. Мое бытие обусловлено целым рядом внешних по отношению ко мне причин – воздухом, пищей, планетой Земля, солнечным светом и т. д. Существование планеты Земля также в этом смысле случайно: Земля возникла какое-то время назад. Случайным бытием обладают Солнце, галактика Млечный Путь и другие галактики – было время, когда их не было.

А что такое необходимое бытие? Это то, чего не может не быть. Оно по определению должно быть вечным – ведь иначе получалось бы, что какое-то время назад его не было. Обладает ли Вселенная таким вечным бытием? Нет. Мы уже обсудили это подробно, отвечая на вопрос, почему Вселенная не может быть вечной (см. стр. ***).

Таким образом, когда-то Вселенной не было, и, значит, она не обладает необходимым бытием.

Нельзя выводиться из конечного эффекта (мира) бесконечную причину (Бога).

Действительно, космологический аргумент указывает на чрезвычайно могущественного (то есть способного создать Вселенную), но не обязательно всемогущего Творца. Вывод, который он позволяет сделать, таков: у Вселенной существует вечный Творец, достаточно могущественный, чтобы привести ее из небытия в бытие.

Если эффект (мир) не совершенен, почему причина (Бог) должна быть обязательно совершенна? Откуда мы знаем, что творец не совершил ряд ошибок и не отбросил предыдущие варианты?

Аргумент не доказывает совершенства Творца, но и не претендует на это. Он доказывает *реальность* Творца, достаточно могущественного и совершенного как минимум для того, чтобы сотворить этот мир. Таким образом, предлагаемое возражение не опровергает этот аргумент.

Почему мы решили, что должен быть только один Бог? Ясно же, что несколько строителей справятся лучше, чем один.

Потому что у нас нет причин постулировать несколько необходимо существующих творцов, когда хватит Одного. Но важнее другое – этот довод никак не ставит под сомнение сам космологический аргумент. Допустим, мы видим картину. «Эту картину нарисовал художник!» – восклицает теист. «А откуда вы знаете, что не несколько художников – например, художник со своими помощниками?» – отвечает его оппонент. Но, даже если мы не знаем, сколько художников трудилось над картиной, это никак не будет опровержением довода «картина кем-то нарисована – следовательно, существует художник».

Если мы предположили, что мир, возможно, создан консилиумом богов – как в некоторых языческих мифологиях, мы уже признали атеизм ложным. Что и требовалось доказать.

Если уж мы пользуемся антропоморфической аналогией «творца», применяя ее к Богу, то не логичнее ли заключить, что творец физического мира и сам физическое, а не духовное существо?

Нет, не логичнее, хотя такое предположение в любом случае не оспаривало бы самого аргумента. Космологический аргумент не обосновывает *все* атрибуты, которые усваивает Богу христианское богословие; из него не следует ни вера в Троицу, ни Боговоплощение. Используя этот аргумент, мы делаем гораздо более сдержанное утверждение: у мироздания есть Творец,

достаточно могущественный и совершенный, чтобы привести мир из небытия в бытие. Как этот тезис может опровергаться представлением о «физической» (что бы это ни значило) природе этого Творца?

Тезис «у всего есть причина», согласно Канту, всего лишь позволяет нам воспринимать мир как упорядоченный. Мы предполагаем, что у всего есть причина, потому что иначе воспринимать процессы и предметы мы не можем. Но это не означает, что они таковы на самом деле.

Пытаться отвергать космологический аргумент, отвергая принцип причинности, значит отвергать всё наше мышление – как научное, так и повседневное. Представим себе адвоката, который скажет: «Действительно, бумажник потерпевшего был обнаружен в кармане моего подзащитного. Но, как показал Иммануил Кант, мы только предполагаем, что у всего должна быть причина. Возможно, в непостижимой для нас подлинной реальности бумажник вовсе не нуждается в причинах, чтобы переместиться из одного кармана в другой». Убедит ли это судей? Скорее всего, нет.

Наука также строится на том, что у любого события есть причина. Никому в голову не приходит отвергать, например, теорию большого взрыва на том основании, что красное смещение или реликтовое излучение могут и не нуждаться в причинах. Если мы хотим опровергнуть теорию большого взрыва, ее надо опровергать как-то иначе, подыскивая наблюдаемым явлениям иные причины. Любые научные теории – та же теория эволюции, например – с необходимостью предполагают, что у всего (в частности, у многообразия видов и конкретных видовых особенностей живых существ) есть причина.

Поэтому, если мы принимаем принцип причинности во всем остальном, у нас нет оснований отвергать его в отношении происхождения Вселенной.

Но если окажется, что Вселенная вечна, это полностью похоронит космологический аргумент?

Пока что всё, что мы знаем о Вселенной, указывает на то, что она не вечна. Но существуют версии космологического аргумента, которые и не требуют начала существования Вселенной во времени.

Одна из них принадлежит немецкому мыслителю Готфриду Вильгельму Лейбницу. Лейбниц знаменит своей фразой: «Первый вопрос, который следует поставить, – это: почему существует нечто, а не ничто?».

Почему что-либо вообще существует? Этот вопрос исходит из сформулированного Лейбницем принципа достаточного основания. Принцип достаточного основания утверждает, что должно существовать рациональное объяснение, почему дела обстоят так, а не иначе. Ничто не происходит без достаточного основания.

Этот принцип можно сформулировать по-разному, но проще всего сказать, что:

- Любая существующая вещь имеет объяснение своего существования
- Любое событие имеет объяснение того, почему оно происходит
- Любое утверждение, если оно истинно, имеет объяснение того, почему оно истинно.

Приведу пример. В старом фантастическом фильме «Космическая Одиссея 2001 года» земляне находят на Луне таинственный артефакт, названный «монолитом». Он имеет правильную форму прямоугольного параллелепипеда с соотношением сторон 1:4:9 ($1^2:2^2:3^2$), абсолютно черный цвет и не поддается воздействию никаких инструментов или излучений. Герои фильма – и зрители вместе с ними – глубоко взволнованы тайной происхождения монолита и пытаются понять, откуда он взялся и что означает. Они ищут объяснения, но никому в голову не приходит просто сказать, что объяснения не существует. Артефакт, мол, существует просто

так, без объяснений. Понятно, что даже если мы не знаем объяснения (и даже если не узнаем его никогда), оно должно быть.

Всё человеческое мышление работает на принципе достаточного основания. Наука ставит вопросы о том, почему те или иные феномены существуют, те или иные явления происходят, и никому в голову не приходит сказать, что они существуют или происходят просто так, без объяснений.

Чтобы лучше понять мысль Лейбница, нам вновь придется вспомнить о разграничении случайного и необходимого. Случайным называется то, что могло бы и не быть. Например, меня могло бы и не быть, если бы мои родители не встретились. Вселенная могла бы выглядеть совершенно по-другому, если бы ее развитие происходило иначе. Ее вообще могло бы не быть. Случайное бытие еще можно назвать обусловленным: объяснение того, почему оно случилось, лежит за его пределами.

Необходимое – это то, чего не может не быть. Например, по мнению многих математиков, необходимыми являются математические истины. $3 > 2$, $2 \times 2 = 4$ – это истинно в любом из возможных миров, и мы не можем помыслить себе ситуацию, в которой бы это было не истинно.

Лейбниц ставит вопрос: почему Вселенная существует? Либо объяснение существования Вселенной лежит в *необходимости* ее существования (то есть она не может не существовать), либо ее основание лежит за ее пределами.

Обладает ли Вселенная необходимым бытием? Нет. Что бы мы ни рассмотрели во Вселенной, всё обладает случайным бытием, всего этого могло бы не быть. Да, как мы знаем, всего этого и не было всего каких-то жалких 13,7 миллиарда лет назад.

Следовательно, ответ на вопрос «почему Вселенная существует?» лежит за ее пределами – в некоей Реальности, которая обладает необходимым, необусловленным бытием и является объяснением бытия всего остального. Мы называем эту Реальность Богом.

Особенность формулировки Лейбница в том, что она не требует начала Вселенной во времени. Теоретически мы можем помыслить себе вечную Вселенную – но она всё равно будет нуждаться в объяснении.

Можно сказать, что в объяснении нуждаются явления внутри Вселенной. Но почему Вселенная в целом должна нуждаться в объяснении?

Было бы крайне искусственным утверждать, что всё нуждается в объяснении, кроме Вселенной. Это можно проиллюстрировать на примере, который приводит философ Уильям Лейн Крейг. Представьте себе, что мы находим идеальную сферу размером с футбольный мяч. Нуждается ли она в объяснении? Да. Увеличим ее до размеров дома. Всё еще нуждается? Да. Увеличим до размеров солнечной системы, галактики – она всё еще нуждается в объяснении.

Почему она перестала бы нуждаться в объяснении, если бы мы увеличили ее до размера Вселенной?

Ученым-космологам не приходит в голову остановиться в поисках объяснений существования известной нам Вселенной. Они выдвигают различные теории относительно того, что могло явиться причиной Большого взрыва или тех или иных свойств Вселенной. Они не говорят: «объяснять тут нечего, это всё существует просто без объяснений». Признавать принцип достаточного основания во всех случаях, кроме тех, когда это ведет к признанию Бога, было бы весьма произвольным решением.

Телеологический аргумент

«Телос» по-гречески значит «цель». Телеологический аргумент апеллирует к удивительной целесообразности того мира, в котором мы живем, к его невероятному удобству для существования живых существ и, в частности, нас с вами.

В средние века люди могли верить, что Вселенная создана специально для человека. Разве современная наука не покончила с этим наивным представлением?

Напротив, современная наука показывает нам Вселенную, тщательно приспособленную под человека. Поговорим об этом подробнее.

Одна из форм телеологического аргумента обращается к феномену так называемой «тонкой настройки» Вселенной. Законы физики оперируют определенными константами, которые получили название фундаментальных постоянных. Ученые установили, что если бы эти постоянные отличались от известных нам на самую малую величину, жизнь во Вселенной была бы невозможна. Сам феномен «тонкой настройки» признают все ученые, в том числе неверующие.

Вот как выражает эту мысль британский космолог Стивен Хокинг (неверующий): «Законы науки в том виде, в котором мы их знаем сейчас, содержат много фундаментальных величин, таких, как электрический заряд электрона или отношение массы протона к массе электрона. Мы не умеем, но крайней мере пока, теоретически предсказывать значения этих величин – они выводятся только из эксперимента. Может быть, придет день, когда мы разработаем теорию, с помощью которой все эти величины можно будет вычислять, но может оказаться и так, что некоторые из них, а то и все, изменяются при переходе от вселенной к вселенной или даже в пределах одной вселенной. Удивительно, что значения таких величин были, по-видимому, очень точно подобраны, чтобы обеспечить возможность развития жизни. Если бы, например, электрический заряд электрона был чуть-чуть другим, звезды либо не сжигали бы водород и гелий, либо не взрывались. Разумеется, могут быть и другие формы разумной жизни, о которых не грезил даже писатели-фантасты. Жизни, для поддержания которой не требуются ни свет звезды, как, скажем, нашего Солнца, ни тяжелые элементы, синтезирующиеся внутри звезд и разлетающиеся по космическому пространству при взрыве звезды. Тем не менее, по-видимому, величины, о которых мы говорим, имеют сравнительно немного областей значений, при которых возможно развитие какой бы то ни было разумной жизни. Большая же часть значений отвечает таким вселенным, в которых, как бы они ни были прекрасны, нет никого, кто мог бы ими восхищаться» («Краткая история времени», 1988 г.).

Яростный атеист Ричард Докинз излагает ситуацию в своей книге «Бог как иллюзия» следующим образом: «Мы живем не только на удобной планете, но и в удобной Вселенной. Само наше существование подтверждает факт "удобства" наших физических законов для возникновения жизни. Не случайно, глядя в ночное небо, мы видим звезды – они являются непременным условием существования большинства химических элементов, без которых не было бы жизни. Согласно расчетам физиков, окажись физические законы и константы лишь слегка другими, Вселенная развивалась бы так, что жизнь в ней была бы абсолютно невозможна. Различные физики говорят об этом по-разному, но всегда приходят к одному заключению. В книге "Просто шесть цифр" Мартин Риз перечисляет шесть основных постоянных, которые, по мнению ученых, сохраняют свою величину в любой точке Вселенной. Каждая из этих шести величин "точно настроена" в том смысле, что, будь она лишь немного другой, Вселенная значительно отличалась бы от нынешней и, возможно, была бы непригодна для жизни».

Рассмотрим для примера четыре известных нам физических взаимодействия – сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное. С гравитацией и электромагнетизмом мы все зна-

комы по опыту; сильное и слабое взаимодействия относятся к микромиру, к описанию атомного ядра.

Атомное ядро состоит из протонов и нейтронов. Протоны обладают одноименным положительным зарядом, между ними действуют силы электромагнитного отталкивания. Эти силы сделали бы невозможным формирование любого атомного ядра, где протонов хотя бы два, то есть исключили бы существование любых элементов, кроме водорода, если бы не так называемое сильное взаимодействие, которое, преодолевая силы отталкивания, удерживает протоны в ядре. Для того, чтобы существовала известная нам таблица элементов, необходимо, чтобы между сильным и электромагнитным взаимодействиями существовало строго определенное соотношение. Если бы сильное взаимодействие было несколько слабее, во Вселенной не было бы ничего, кроме водорода, и химия – а, соответственно, и жизнь – не могла бы существовать. Если бы оно было больше – во Вселенной не было бы водорода, необходимого для зарождения жизни. Если бы другим было соотношение гравитации и магнетизма, не могли бы существовать звезды. Если бы Вселенная расширялась чуть медленнее, она схлопнулась бы под собственной тяжестью, если быстрее – не смогли бы образоваться галактики.

Еще одна константа – электромагнитное взаимодействие – определяет связь электронов и протонов в атомах. Будь она несколько меньше, электроны не смогли бы удержаться на орбитах вокруг ядра. Будь она чуть больше, электроны находились бы слишком плотно друг к другу, и атом не имел бы общих орбит с другими атомами, что мешало бы образовывать соединения. В том и в другом случае образование молекул было бы невозможно.

Вероятность того, что такое благоприятное для жизни сочетание мировых постоянных возникло случайно, рассматривается учеными как исчезающе малая.

Но что, если наша Вселенная – просто одна из бесконечного множества вселенных, где упомянутые константы варьируются случайным образом? Тогда неудивительно, что наша Вселенная подходит для жизни – в других просто нет наблюдателей.

Действительно, те, кто отрицают разумный замысел, обычно предполагают наличие множества вселенных. Но само это предположение находится за пределами науки и является предметом веры. Его невозможно подтвердить или опровергнуть научным методом, потому что мы в принципе не можем получить какие бы то ни было эмпирические данные из этих предполагаемых других вселенных. Однако веру в Создателя мы можем подкрепить дополнительными доводами, которых нет у тех, кто верит во множественность вселенных.

Наблюдатель существует лишь потому, что ему «повезло» возникнуть во вселенной с данными константами. Будь они другими, наблюдателя бы просто не существовало. То есть наличие наблюдателя – следствие значения констант, а не их причина.

Разумеется, наличие наблюдателя требует тщательной настройки констант. Но, указывая на этот очевидный факт, мы ни в малейшей степени не снимаем вопрос о том, почему этому наблюдателю так повезло. Приведу пример, который предлагает канадский философ Джон Лесли. Допустим, взвод солдат расстреливает приговоренного к смерти. Раздается залп, но приговоренный обнаруживает, что он жив и невредим. Он, естественно, задается вопросом – почему? Чему он обязан своим чудесным спасением? Если мы скажем ему: «Очевидно, что все солдаты промахнулись; если бы они не промахнулись, ты не был бы жив, чтобы ставить этот вопрос», – он с нами согласится. Но это никак не снимет вопроса о том, почему они все одновременно промахнулись. Это будет факт, требующий объяснения: то ли друзья приговоренного подкупили солдат, то ли произошло что-то еще, но объяснение «ты жив вследствие того, что они промахнулись, а не потому, что кто-то захотел, чтобы ты жил», вряд ли нас устроит.

Поскольку эволюция происходила именно в этой Вселенной, нет ничего удивительного, что она породила жизнь, к ней приспособленную.

Для того, чтобы какая бы то ни было эволюция имела место, необходимо по меньшей мере существование ДНК, то есть очень сложной химической молекулы, и существование химии. Во Вселенной, которая не была бы «тонко настроена», не было бы даже химии: например, при несколько ином соотношении сильного и электромагнитного взаимодействий во Вселенной мог бы существовать только водород – либо, наоборот, водорода не было бы вообще. Итак, «тонкая настройка» – необходимое предварительное условие для того, чтобы какая бы то ни было жизнь могла существовать и эволюционировать.

Но ведь большая часть Вселенной – это огромное пустое и очень холодное пространство, которое никак не приспособлено для жизни. Жизнь – очень редкое явление во Вселенной. Как можно говорить, что Вселенная создана специально для жизни?

То, что мы знаем о Вселенной, наводит на предположение, что именно такие размеры необходимы для того, чтобы в ней образовались галактики, звезды, и в итоге жизнь. Только на первый взгляд Вселенная кажется бессмысленно огромной и пустой. Например, очень важно точное количество материи во Вселенной. Если бы оно было чуть меньше, расширение Вселенной было бы слишком быстрым, и галактики, звезды и планеты не могли бы образоваться. Будь оно чуть больше – и расширение Вселенной прекратилось бы, она стянулась бы в точку под собственной тяжестью. Насколько велико это «чуть»? Джон Лесли приводит цифру 1:1055. То есть точность настройки выражается единицей, разделенной на единицу с пятьюдесятью пятью нулями. При ближайшем рассмотрении Вселенная оказывается ровно того размера, который нужен для поддержания жизни.

Как пишет Ричард Докинз, Бог, создавший и контролирующий Вселенную, постоянно выслушивающий все молитвы людей (и, возможно, инопланетян), был бы гораздо более сложным – и, следовательно, гораздо менее правдоподобным объяснением, чем мультивселенная. Иначе говоря, объяснение «от Бога» настолько неудачно, что почти любое другое будет предпочтительнее.

Докинз делает две фундаментальные ошибки, на которые ему уже много раз указывали, в том числе его собраты-атеисты. Во-первых, Докинз подводит принимаемый по умолчанию материализм. Он представляет себе сознание только на материальном носителе – таком, как мозг или суперкомпьютер, и, поскольку даже человеческий мозг – это очень сложная структура, предполагаемый «мозг» Бога был бы еще сложнее. Но Бог есть Дух, он не требует материального носителя вообще.

Вторая ошибка – это то, что «сложное» объяснение далеко не всегда плохое.

Допустим, приводит пример философ Альвин Плантинга, мы высаживаемся на Луне и находим там какие-то сложные механизмы, например, трактора. Мы предполагаем, естественно, что это – явные следы какой-то технологически развитой цивилизации. Но ведь это очень плохое объяснение, могут нам сказать. Внеземная цивилизация – это очень сложная структура, это миллиарды взаимодействующих между собой разумных существ. Поэтому, будет настаивать наш оппонент, лунные тракторы – результат какого-то непостижимого совпадения. Нас это, очевидно, не убедит, и мы сочтем эти машины несомненным творением разума – в данном случае, инопланетного.

5. Наука и религия

А был ли конфликт?

Разве наука не опровергла религию, не показала ее несостоятельность?

Конечно, нет. Критика христианской веры очень часто ведется от имени науки, но наука как таковая не враждебна вере в Бога. Наука была создана христианами: почти все великие ученые из наших школьных учебников не просто принадлежали к христианской культуре, но и проявляли глубокую личную веру, о чем мы поговорим чуть позже.

Конфликт существует не между верой и наукой, а между верой и определенной философской позицией, которую теоретик науки Карл Поппер обозначил словом сциентизм. Сциентизм предполагает, что естественнонаучный метод является единственным законным путем познания реальности и установления истины. Бертран Рассел формулирует эту позицию в своей работе «Наука и этика»: «Любое достижимое знание должно обретаться научным методом; то, что не может быть открыто наукой, не может быть известно человечеству».

Очень часто этот подход к реальности даже не проговаривается вслух, люди просто исходят из отождествления «научного» и «истинного» – и, соответственно, «ненаучного» и «ложного».

«Наука» отождествляется такими людьми с «разумом»; всё, что лежит за ее пределами, с их точки зрения, – область чего-то «иррационального», «слепого», противоположного ответственному и разумному подходу к жизни. Множество книг и научно-популярных фильмов противопоставляет «научные факты» «слепой вере».

Хотя существуют разные версии атеизма, наиболее распространенным является атеизм, апеллирующий к науке. Он утверждает, что именно наука сделала веру в Бога очевидно ложной, устаревшей или неуместной. Вопрос о бытии Бога понимается как научный вопрос, и притом разрешенный отрицательно. Как пишет популярный атеистический автор Ричард Докинз, «наличие или отсутствие мыслящего сверхъестественного творца однозначно является научным вопросом, даже если практически на него нет – или пока еще нет – ответа. И это также касается подлинности или ложности всех историй о чудесах, при помощи которых религии поражают воображение верующих толп» (книга «Бог как иллюзия»).

Но на самом деле это не что иное, как сциентизм: вера в то, что истина постигается только научным методом.

Но разве философия сциентизма неверна? Разве не к науке мы должны обращаться за ответами на вопросы об истине, в том числе истине о том, существует ли Бог?

Смотря о каких вопросах идет речь. Наука характеризуется своим методом. Этот метод обладает рядом ключевых характеристик, и для поиска Бога он, как мы увидим далее, не годится. Для науки характерны следующие принципы.

Эмпиризм. Наука рассматривает опыт, который мы получаем при помощи пяти органов чувств, возможно, усиленных приборами (такими, например, как телескоп).

В первые годы большевизма был популярен забавный атеистический аргумент: «Красные авиаторы по небу летали и нигде ни ангелов, ни Бога не видали». Мы, наверное, только посмеемся над таким «доводом» в пользу атеизма, однако, когда подобная аргументация излагается с упоминанием «радиотелескопов» и «новейших достижений современной науки», это нередко воспринимается всерьез – как будто люди действительно ожидают, что при помощи

особо мощного телескопа можно будет наконец-то заставить врасплах Бога, Который от аэроплана худо-бедно увернулся.

Бог христиан не является природным объектом или явлением в ряду других объектов или явлений, Он внеприроден, свободен и всемогущ, и это значит, что Его нельзя заставить врасплах против Его воли. Он Сам открывается кому хочет и на тех условиях, которые Сам определяет.

Воспроизводимость. Наука опирается на данные, получаемые путем повторяющихся наблюдений или воспроизводимых экспериментов. Невоспроизводимые явления не могут служить основанием для научных выводов. Но акты свободной воли, например, невозпроизводимы, как и исторические события. Все они находятся вне поля зрения естественнонаучного метода.

Объективность – независимость научного поиска от личных убеждений или предпочтений ученого. Среди ученых есть атеисты, люди различных религиозных убеждений, агностики, те, кто вообще избегает давать ясный ответ на вопрос о своей вере – получаемое ими научное знание от этих убеждений не зависит. Научное знание предполагает возможность объективной проверки. Результаты одного и того же эксперимента, поставленного в Москве, Киеве, Пекине и Лондоне христианами, атеистами, буддистами и конфуцианами, порядочными людьми или негодяями, не должны отличаться. Общение с Богом, напротив, предполагает определенное нравственное усилие.

Фальсифицируемость (критерий Карла Поппера). Теория удовлетворяет этому критерию, то есть является фальсифицируемой, и, следовательно, научной, если существует теоретическая возможность ее опровержения путем постановки того или иного эксперимента (даже если такой эксперимент еще не был поставлен). Этот критерий служит для того, чтобы отделять научные утверждения от вненаучных (не обязательно ложных, просто находящихся за пределами науки).

Методологический натурализм. Наука рассматривает мир как замкнутую систему причинно-следственных связей, управляемую безличными и неизменными законами – и только ими. Любое событие в этой системе рассматривается как результат предыдущих состояний системы и законов природы. С этим связано два важных недоразумения.

Первое – когда методологический натурализм путают с метафизическим. Методологический натурализм говорит о границах научного метода: научный метод рассматривает только материю и безличные законы, которые описывают ее движение. Метафизический – объявляет, что вся вообще реальность сводится к этой материи. В результате этой путаницы науку иногда называют «материалистической» или даже «атеистической». В действительности наука «материалистична» только в том смысле, что предметом ее рассмотрения является материя. Даже очень хороший бинокль не видит радиоволн; это не значит, что радиоволн не существует – просто бинокль как инструмент не предназначен и не годится для приема радиопередач.

Второе недоразумение связано с требованиями «научных» доказательств бытия Божия. Творец всей этой системы (признавать или не признавать Его существование) не является ее элементом. Требование предоставить доказательства существования такого Бога, который находился бы в ведении естественных наук, то есть являлся бы элементом этой системы – это требование доказывать кого-то, кто вовсе не является Богом христиан. Естественнонаучный метод в принципе ограничен рассмотрением природы, то есть самой системы, и не может выйти за ее пределы.

Научный метод во многих случаях очень полезен, но он бесполезен для обнаружения Бога. Бог не является материальным объектом или явлением, которое мы могли бы обнаружить при помощи повторяющихся наблюдений или воспроизводимых экспериментов.

Так же бесполезен научный метод и для обоснования атеизма как картины мира. Он не может сказать нам, есть ли что-то еще за пределами природы как уже упомянутой нами материальной системы. Таковы его неизбежные ограничения как метода.

Но если научный метод не может продемонстрировать бытие Бога, разве это не показывает, что Бога просто нет?

Нет. Это просто показывает ограниченность научного метода. Популярный и почти обязательный в среде атеистов тезис, что реальность Бога следует устанавливать научно, опирается на предпосылку, которую мы уже обозначили выше как сциентизм – верование, согласно которому единственным источником истины о реальности может быть только научный метод. Отметим, что сциентизм является не научной, а философской позицией, причем явно ошибочной.

В чем же ошибки сциентизма?

Во-первых, он противоречит сам себе. Вспомним Бертрانا Рассела: «Любое достижимое знание должно обретаться научным методом; то, что не может быть открыто наукой, не может быть известно человечеству». Этот тезис находится в забавном самопротиворечии – ведь его собственная истинность не может быть научно доказана, и, следовательно, он сам «не может быть известен человечеству».

Если я, например, произношу фразу: «Всякий, кто не говорит по-китайски, лжет», – то противоречу себе же, поскольку сам произношу эту фразу не по-китайски. Если я говорю: «Истинно только то, что может быть обосновано научным методом», – я впадаю в аналогичное противоречие, поскольку само это утверждение не может быть обосновано научным методом.

Во-вторых, существует множество утверждений о реальности, которые в принципе не могут быть обоснованы научным методом, но это не мешает им быть как осмысленными, так и истинными. Это, например:

Утверждения нравственного характера. Тезис «убивать младенцев дурно» невозможно обосновать научным методом. Вы не можете поставить эксперимент и по его результатам определить, дурно это или нет. Выступления атеистических публицистов часто полны нравственного негодования, они резко порицают религиозных людей. Но тезис «люди должны поступать определенным образом и достойны порицания, если не поступают» невозможно обосновать научным методом.

Утверждения эстетического характера. Например, тезис «О Magnum Misterium Томаса Виктории – великое музыкальное произведение» не может быть обоснован научным методом.

Утверждения, касающиеся личных отношений. «Иван любит Марию» или «Петр – мой старый, надежный друг» – несомненно, осмысленные высказывания, истинность которых очень важна для лиц, о которых в них идет речь, но они не могут быть обоснованы научным методом. Вы не можете ставить экспериментов над близкими людьми, иначе вы их потеряете.

В-третьих, сам научный метод требует веры в ряд предпосылок, которые не могут быть обоснованы в его собственных рамках.

В частности, он требует веры в рациональную упорядоченность мироздания. Как сказал Альберт Эйнштейн, (которого нельзя назвать верующим в традиционном смысле), «наука может быть создана только теми, кто насквозь пропитан стремлением к истине и пониманию. Но источник этого чувства берет начало из области религии. Оттуда же – вера в возможность того, что правила этого мира рациональны, то есть постижимы для разума. Я не могу представить настоящего ученого без крепкой веры в это. Образно ситуацию можно описать так: наука без религии – хрома, а религия без науки – слепа». Вера в то, что мир упорядочен и постижим для разума – предварительное условия для развития науки; как замечает Клайв Стейплз Льюис, «люди верили в законы природы потому, что верили в Законодателя». Ожидать такой постижимой упорядоченности в мире без Создателя не было бы никаких оснований. Как заметил тот же Эйнштейн, «самое непостижимое во вселенной – это ее постижимость».

Одно из проявлений этого – то, что математик Евгений Вигнер называл «непостижимой эффективностью математики». В работе, вышедшей в 1960 году, Вигнер обратил внимание на то, что многие математические построения первоначально были чистой игрой ума, абстракцией, не имевшей никакого отношения к практике. Однако со временем оказалось, что эти математические инструменты удивительно хорошо описывают физический мир. Мир, оказывается, имеет математическую структуру. Как пишет Вигнер, «невероятная эффективность математики в естественных науках есть нечто граничащее с мистикой, ибо никакого рационального объяснения этому факту нет». Существование законов природы и способность человеческого мышления раскрывать их, по словам этого ученого, – необъяснимое чудо. «Чудесная загадка соответствия математического языка законам физики является удивительным даром, который мы не в состоянии понять и которого мы, возможно, недостойны, – замечает Вигнер. – Мы должны испытывать чувство благодарности за этот дар».

Кроме того, научный метод требует веры в единообразие законов природы (так называемый принцип униморфизма). Он исходит из того, что законы природы одинаковы во времени – то есть таковы же, какими были миллиард лет назад, и в пространстве – то есть на расстоянии миллиарда световых лет они такие же, как на земле. Не существует способа это проверить – это просто принимается на веру.

Итак, сциентизм противоречит как сам себе, так и общечеловеческому опыту. Ряд важных истин (в том числе, необходимых для функционирования самого научного метода) не могут быть доказаны этим методом. Следовательно, то обстоятельство, что бытие Бога не может быть обосновано в рамках научного метода, не может служить доводом против Его реальности.

А как же вековой исторический конфликт между наукой и религией?

Тут всё очень просто. Никакого «векового конфликта» просто не было. Миф о конфликте возникает только ближе к концу XIX века, и мы даже знаем его авторов. Один из них – это Джон Уильям Дрейпер, который в 1874 году в США выпустил книгу, которая называлась «История борьбы между наукой и религией». Другой, Эндрю Диксон Уайт, примерно в то же время писал антирелигиозные статьи, а в 1896 году выпустил книгу «История войны между наукой и богословием в христианском мире». В наше время историки науки не поддерживают модель ее «конфликта» с религией (которая у Дрейпера и Уайта строится на двух эпизодах, относящихся к Галилею и Дарвину) и предпочитают так называемую «комплексную» модель, учитывающую, что религиозные деятели занимали самые разные позиции по отношению к науке.

Известный биолог и агностик по личным убеждениям Стивен Джей Гульд говорит: «Повествование Дрейпера и Уайта резко отличается от того, что в действительности происходило во взаимоотношениях между наукой и религией <...> Оба используют мифы для того, чтобы поддержать свое видение истории, – такие же, как, например, миф о "плоской земле"».

Но все знают, что церковники сжигали ученых за веру в то, что земля круглая!

Эта популярная фраза содержит два утверждения: 1. Церковь верила в плоскую землю 2. Церковники сжигали ученых за занятия наукой. И то, и другое – характерные атеистические мифы, которые кочуют из статьи в статью, из книги в книгу, и которые люди обычно не пытаются проверять.

Но что, если мы все-таки проявим немного любознательности?

О шарообразности земли людям было известно уже в античности: было давно замечено, что мачты корабля, уходящего в море, постепенно скрываются за горизонтом, и средневековые христиане не думали этого оспаривать.

Что же до «сожженных ученых», то давайте попытаемся уточнить подробности – например, число мучеников науки. Сколько их было? Сколько жертв унесла вековая жестокая борьба между наукой и религиозным мракобесием?

Давайте попробуем это выяснить.

Обратившись к собственно атеистической литературе, мы находим только двух кандидатов на роль ученых, сожженных церковниками. Это Джордано Бруно, приговоренный римской инквизицией к сожжению на костре, и Мигель Сервет, казненный в кальвинистской Женеве.

Был ли Джордано Бруно ученым, тем более великим? Это спорный вопрос. Большинство источников предпочитают обозначать его как «философа» и «мистика», а его сохранившиеся труды являются оккультными, никоим образом не научными. Но вот что бесспорно – причины, по которым он был сожжен, не имели никакого отношения к науке. Никто не ставил Бруно в вину какие-либо научные изыскания, причиной его обвинения и казни послужили его взгляды относительно Христа, Девы Марии, Таинств, а также его оккультные занятия.

Подчеркнем: нет ничего хорошего в том, чтобы сжигать людей за какие бы то ни было взгляды. Но сразу же и отметим: взгляды, за которые пострадал Бруно, не имели отношения к науке. Оккультисты, поклонники Гермеса Трисмегиста и тайных искусств еще могут числить его своим мучеником. Но мучеником науки он не является ни в малейшей степени.

Мигель Сервет – действительно, ученый, естествоиспытатель и врач. И его действительно сожгли в Женеве. Однако и он мало подходит на роль жертвы «борьбы религии с наукой». Сам Сервет был фанатично религиозен; и именно религия, а не научные взгляды, привела его на костер. Он был осужден из-за своей книги «Восстановление христианства», в которой отрицал троичность Бога и вообще высказывал крайне еретические с точки зрения Кальвина (да и всех остальных христиан) взгляды. Разумеется, сжигать еретиков – а равно кого бы то ни было вообще – дурно. Но религиозные лжеучители никак не являются мучениками науки – они являются мучениками соответствующих религиозных учений.

В «деле Галилея» католические церковные власти действительно принуждали великого ученого отказаться от его научных воззрений. Их позицию в историческом контексте можно признать отчасти понятной, хотя, несомненно, ошибочной. Но был ли Галилей сожжен? Нет. До чего дошли зверства инквизиторов в этом хрестоматийном и кульминационном случае противостояния науки и религии? Галилей был приговорен к... домашнему аресту, который проводил первоначально во дворце своего друга архиепископа Пикколомини в Сиене, а затем – у себя на родине, в Арчетри.

Итак, есть ли у нас ответ на вопрос о том, сколько ученых было сожжено или иным образом замучено церковниками за их научные изыскания? Есть, и очень точный. Ни одного.

Разве религия не подавляла науку?

Это еще один популярный миф. В действительности дело обстоит ровно наоборот.

Наука создана христианами. Возьмите, например, школьный учебник физики или химии и удалите оттуда все страницы, посвященные верующим христианам. С чем вы останетесь? Если мы посмотрим биографические данные о Бойле, Ньютоне, Паскале, Лавуазье, мы обнаружим, что все они не просто принадлежали к христианской культуре, но были людьми глубоких личных религиозных убеждений.

Никто не заставлял, например, Роберта Бойля переводить на галльский язык Библию и финансировать христианскую миссию в Индии – это было проявлением его личной веры.

Исаак Ньютон был глубоко верующим человеком. Он отказывался присоединиться к государственной англиканской церкви, что создавало ему определенные проблемы в жизни, но относился к вере достаточно серьезно, чтобы их терпеть. Его наследие содержит гораздо больше толкований Писания, чем трудов по физике.

Блез Паскаль – не просто верующий человек, но выдающийся христианский мыслитель и апологет.

Можно вспомнить Майкла Фарадея, который проповедовал в церкви с кафедры. Максвелл и Пастер также были верующими людьми.

Европейская наука создана христианами – это исторический факт. Верующие люди внесли – и продолжают вносить – огромный вклад в ее развитие. Например, теорию расширяющейся Вселенной выдвинул католический священник Жорж Леметр. Один из создателей синтетической теории эволюции Феодосий Добжанский – православный христианин. Выдающийся современный генетик Френсис Коллинз был руководителем проекта расшифровки генома человека, сейчас он директор Национальных институтов здоровья США и не скрывает своих христианских убеждений.

Таким образом, представление о конфликте науки и религии совершенно неосновательно.

Разве научное объяснение не устраняет религиозное? Если всё можно объяснить в рамках науки, то где тогда место для Бога? Как сказал Лаплас, «я не нуждаюсь в этой гипотезе».

Вера в то, что научное объяснение каким-то образом устраняет религиозное, связана с логической ошибкой. Наука и вера просто отвечают на разные вопросы.

На вопрос о том, почему едет машина, можно ответить по-разному: можно сказать, что в двигателе происходят такие-то химические реакции, а можно – что Иван Иванович решил повезти свою семью на дачу. Оба эти ответа верны; нам не приходится выбирать между ними. Нас, скорее, удивит человек, который станет уверять, что, поскольку химия подробно описывает реакции, происходящие в двигателе внутреннего сгорания, мы должны оставить смехотворные басни про Ивана Ивановича, который любит своих домашних и хочет, чтобы они хорошо отдохнули на даче. «Это же химия, глупенькие! Реакция окисления. Углеводороды, атмосферный кислород – любой студент-химик напишет вам формулу».

Ошибка человека в нашем примере кажется очевидной: химия, как и естественные науки вообще, ничего не может рассказать нам ни об Иване Ивановиче, ни о его отношениях с домашними, ни о планах Ивана Ивановича на эти выходные. Если мы не усматриваем следов вмешательства Ивана Ивановича в процесс сгорания топлива, это не значит, что его не существует; это просто значит, что химия никак не поможет (впрочем, как и не помешает) нам с ним познакомиться. Чтобы узнать его, нам надо поговорить с ним – или хотя бы с его домашними.

Однако, когда речь заходит о Боге, та же самая грубая ошибка подается в качестве серьезного аргумента: наука-де способна объяснить природные процессы, не привлекая «гипотезу Бога». Если мы можем описать динамику воздушных потоков, значит, не Бог посылает дождь; если мы значительно продвинулись в понимании того, как функционирует живая клетка, значит не Бог – податель жизни.

Логически этот аргумент против бытия Божия выглядит точно так же, как и аргумент против бытия Ивана Ивановича, хотя воспринимается без улыбки, с полной серьезностью.

В чем причина такой ошибки? Тут смешиваются два типа вопросов – «каким образом» и «зачем». Студент-физик, который на вопрос о причинах полярного сияния ответит: «Бог зажигает полярное сияние, чтобы мы дивились чудесам Его творения», – получит двойку. Беда в том, что он отвечает не на тот вопрос, который ему ставят. У него спрашивают, каков физический механизм этого явления, а не кто, зачем и с какой целью это явление производит.

Если вы попытаетесь ответить на вопрос, каким образом элементы тварного мира взаимодействуют между собой, указанием на волю Божию, то совершите ту же ошибку, что и студент из нашего примера. Вас не спрашивают, по чьей воле и замыслу они взаимодействуют. Вас спрашивают, как именно они себя ведут. Вы ответите невпопад, если на вопрос о процес-

сах, происходящих в двигателе внутреннего сгорания, скажете: «Иван Иванович повез свою семью на дачу».

Как говорится в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», «научное и религиозное познание имеют совершенно различный характер. У них разные исходные посылки, разные цели, задачи, методы. Эти сферы могут соприкасаться, пересекаться, но не противоборствовать одна с другой. Ибо, с одной стороны, в естествознании нет теорий атеистических и религиозных, но есть теории более или менее истинные. С другой – религия не занимается вопросами устройства материи».

Но как можно совместить библейский рассказ о сотворении мира за рабочую неделю с данными науки, которая говорит, что это явно было не так?

Проблема, которая возникает тут у многих атеистов (и некоторых верующих), – это проблема языка. В нашей речи, в том числе научной, мы постоянно используем образы и иносказания. Например, когда Ричард Докинз говорит об «эгоистичном гене», мы понимаем, что в буквальном смысле ген – это химическое соединение, а не личность, и быть эгоистичным не может. Ученые говорят о «плоской вселенной» или «тяжелом вакууме», что в буквальном смысле было бы нелепо, а человеку, незнакомому с этими областями науки, показалось бы явной чепухой.

Тем не менее, мы понимаем, что ученые используют иносказания и что понимать их буквально было бы ошибкой. Мы понимаем, что стоит приложить некоторые усилия, чтобы войти в контекст их речи и понять, что они хотят сказать.

В нашем обычном общении мы очень часто прибегаем к иносказаниям, сами того не замечая. Например, мы говорим о «разбитом сердце», когда в буквальном смысле оно вовсе не разбито, а просто человек глубоко огорчен, или что у человека «светлая голова», хотя он вовсе не обязательно блондин: мы просто хотим похвалить его ум.

Библия, сообщая нам истины, необходимые для нашего спасения, неизбежно делает это на доступном людям языке. Поскольку библейское Откровение разворачивается в истории, оно с необходимостью использует язык и образы, характерные для людей соответствующей местности и эпохи. Повествование о творении не использует (и не могло использовать) научный язык, который сложился гораздо позже, чем само это повествование, и не сообщает нам научных данных – оно просто не предназначено для этого. Его цель – открыть нам истину о том, что всё существующее сотворено Богом.

В детстве у меня была книжка с чудными картинками «О том, как устроен атом». В ней протон был изображен большим красным шариком, нейтрон – большим зеленым, электрон – маленьким голубым. Когда я подрос, моя детская вера в атомы пошатнулась. Я узнал, что атомы (не говоря уже об элементарных частицах) гораздо меньше длины световой волны, так что элементарные частицы не могут обладать – в буквальном смысле – ни цветом, ни формой. Значит ли это, что автор книги вводил меня в заблуждение? Нет. Это просто значит, что он использовал образы, понятные восьмилетнему школьнику, чтобы сообщить некоторые важные истины. Так и первая глава Библии использует знакомые людям того времени образы, чтобы передать вероучительное послание.

Часть этого послания – о том, что Бог наделяет само творение способностью к развитию. Вспомним, например, стихи Писания: *«И сказал Бог: и да произведет вода... да произрастит земля...»* (Быт. 1:11, 12). Творение – это не монолог, а хор, в котором Бог придает тварным силам в определенной степени автономный голос.

Разве Библия не говорит, что земле 6000 лет?

Нет, Библия этого не утверждает. Различные цифры (6000, 7500, 10 000 лет) возникают при различных (и довольно спорных) попытках подсчета длительности библейской истории.

Библия не сообщает нам возраста мироздания. Она открывает нам сам факт сотворения, а не детали, которые были бы просто непонятны читателям, да и не отвечали бы главной цели Библии – привести нас к спасительным отношениям с Богом.

Противоречат ли чудеса законам природы?

Наука занимается установлением законов природы. Разве чудеса не противоречат этим законам?

Действительно, в самом основании христианской веры стоит такое сверхъестественное и чудесное событие, как телесное, буквальное, физическое Воскресение Господа нашего Иисуса Христа из мертвых. Поэтому разобраться с чудесами непременно стóит.

Аргумент против чудес, апеллирующий к законам природы, впервые появляется у британского философа Дэвида Юма (1711–1776). У Юма он выглядит так: «Чудо есть нарушение законов природы, а так как эти законы установил твердый и неизменный опыт, то доказательство, направленное против чуда, по самой природе факта настолько же полно, насколько может быть полным аргумент, основанный на опыте».

Этот аргумент повторяется обычно в краткой форме «чудо противоречит законам природы». Однако он связан с определенным представлением о мире, которое для Юма и его собеседников было само собой разумеющимся, – представлением о Вселенной как о замкнутой системе, которое само по себе никак не основано на опыте. Когда говорят: «чудеса противоречат законам природы», – смешивают два представления о Вселенной, не идентичных друг другу.

Первое: мы живем в высокоупорядоченном мире, где разумно ожидать, что природа ведет себя сообразно определенным законам: если вода 1000 раз закипела при 100 градусах, то и на 1001-й она закипит. Наука обращается именно к этой упорядоченности мира.

Второе: мир закрыт, то есть за его пределами не существует никаких сил, способных вмешиваться в происходящие внутри него события.

Тезис первый подтверждается всем нашим опытом: мир упорядочен, более того, упорядочен строго таким образом, что в нем возможна жизнь. Вселенная выглядит удивительно сложной и при этом тщательно сбалансированной и точно настроенной, чтобы поддерживать условия, необходимые для нашего существования.

Из этой упорядоченности, однако, никак не следует тезис номер два (о том, что мир закрыт от вмешательств извне). Не существует никакой логической связи между упорядоченностью и закрытостью. «Чудес не бывает» – это просто мировоззренческая установка, и мы не можем ее доказать или опровергнуть, ссылаясь на данные естественных наук, поскольку естественные науки в принципе имеют дело с упорядоченными, повторяющимися явлениями, а не с экстраординарными внешними вмешательствами. Чудеса не противоречат науке и не подтверждаются ей. Они просто находятся вне сферы ее компетенции. Можно сказать, что упорядоченность мира скорее побуждает нас к признанию возможности чудес: сам факт существования законов природы указывает на Законодателя, и нет ничего несообразного в том, чтобы признать, что Тот же, Кто является Творцом порядка, является и Творцом чудес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.